

Толеген Бекмухамедов

Сезоны в аду

18+

Толеген Бекмухамедов

Сезоны в аду

<https://litres.ru/74595103>

SelfPub; 2026

Аннотация

Размышления, вдохновленные работами Е. В. Головина, и
странным миром вокруг

Толеген Бекмухамедов

Сезоны в аду

Скука от ума.

Раскалённые солнечные лучи ослепляли глаза. Высохшая серая земля, черные скалы, и мы жаждем влаги, хотим болота, лунного тумана осенней ночи.

Пора.

Первая сигарета на голубоглазой остановке утра. Из расцвета выплывают зеленые и синие амфибии, с металлическим скрежетом открываются пыльные пасти, планктон невольно вползает в полусонное брюхо. Внутри расплзаются желтые змеи-поручни, потрескивают прозрачные мембраны стекол, сонный паралич неизбежности стекает по полу, напротив во тьме подрагивает живой глаз, слева раскачивается идеальный фарфоровый манекен, рядом застыла изумленная цементная рыбка. В экранах телефонов идиотски-радостные мертвецы, немые головы, пляски смерти, хоть будничного рассвета, мертвецы выползают из своих углов, и я вместе с ними, надо как-то убежать отсюда, хоть куда, главное отсюда куда-нибудь. Я смотрю за окно автобуса на единственно-живую полоску небесной лазури, она пульсирует, вишневая кровь рассвета разливается по прожилкам облаков, на склонах Зайлийского Алатау струятся золотые трещинки, чувствую единственно-живое дыхание.

Но эти приятность и живость одновременно внушают притворность, вследствие тупого позитивистского настроения эпохи, которым и я, как вы, пропитан, которая даже радость сумеет раскрасить в ядовито-зеленый. Мы разучились жить. Наши эмоции всегда крайности между владениями холодного аналитического скучного неуголимого голода ума.

Как приятно закрыть глаза и оказаться в сакральной ночи. Чувствую томление, повторяю про себя: «неудовлетворенное томление рождает чудеса...»

Моя остановка. .

Вторая сигарета, солнечная дорога поднимается в гору, ноты депрессивной прохлады, когда на тени холодно, а на солнце жарко, чувствуешь себя полоской зебры. Канаты косых полос света поднимают из сна все мнимое живое - кусты сирени, дубы, тополя нехотя становятся четко-различимым. И что от того, что они стали ярче, углы острее, линии контрастнее. Я вхожу в тенистый двор, погружаясь в водопад каменных цветов, здесь лучше, здесь из кучи опавшей листвы поглядывает *это*, пахнет гнилью и медовым цветением. Сквозь забор растет карагач, высохший каштан хрустит под ногами.

Кабинет. Я сел у окна. И рядом, совсем близко, в сантиметрах десяти, треугольник солнца на столе, свет проходил сквозь листву, и призрачная тень, переливаясь, входила в угол комнаты. Я вспомнил о давних прогулках в лесу - море света, листья покачиваются из стороны в сторону, как

стаи мерцающих рыб выются в водном потоке, плывут по тенистому коралловому рифу, забыв людей, к кристальной реке, волны ветра играют с неподвижностью, сотни воспоминаний кружатся в обессиленных от суеты мыслях, словно в монохромных витражах храма мерцают блики.

Голуби клюют металлическую крышу, и кажется как-будто за окном идет дождь. Дикое бессознательное желание ливня. Но надо работать, отдавать энергию. Мы - спасатели обмелевшего Аральского моря в вечной ночной степи. Наша стихия – темная материя.

Вечер. Мириады пыльных снежинок на окнах автобуса, стекает грязномолочный млечный путь, двери закрываются. Рядом проезжает гроб, из него выглядывает мертвец со взглядом лишенным звезд, стерильно блестят пустые глазницы. А вот она, только что промелькнувшая быстрым ходом куда-то за поворот – точно живая, от нее веет замогильной грустью, руки перекрещены на животе, словно там кровавая рана.

Начался первый бесконечный летний ливень. Только узкая полоска неба, пульсирующие влагой тучи, молчаливые деревья казались живыми, остальное мертво: я, они, всё - от нас исходил запах отполированной до безжизненности белизны, и лишь иногда сквозь толпу плеч, рук и спин вдруг появлялся взгляд или жест живого, а может я только в те моменты был живой, что чувствовал других, и сам оттого чувствовал жизнь. Но мне кажется вернее, взгляд на нас всех,

как на уже давно истлевших мертвецов, в которых «чувство я» настолько атрофировалось, что нужно, чтобы наши кости ели черви, вот тогда мы почувствуем далекую песнь родимого хаоса. И вот те редкие «моменты жизни», которые все таки случаются с нами, наверное лишь воспоминания о ней, о настоящей жизни, только сон мумии в пирамиде.

Ночь. Беззвездная тьма накрывает город, фонари заменили звезды, и нет больше тайн. Неизмерима широта внутренней степи, ее ночь – богиня красоты и колдовства.

Выпью, с Опьяненным богом придет его свита, фавнов, сатиров, волкодлаков, менад...

А еще вспоминаю, мне снилась богиня, той подземной весной... когда капли росы утоляли мою жажду, когда дёсна обволакивал терпкий яд, когда колючки кровоточили в дрожащих пальцах... а еще я чувствовал Ее тогда, той краткой осенью, но лишь на мгновение, чуть-чуть, покалыванием морского ежа в океане, в подводной темноте электрическим поцелуем медузы. В воспоминаниях одно плохо – они лишь дразнят, лишь навевают тоску по утраченному, напоминают о невозможном, и галера Клеопатры тонет, и абрис ее растворяет морская соль рациональности.

Морфей зовет в иное.

Я видел однажды сон. Я иду вверх по знакомой улице, и вижу как Великая Сель спускается с гор, смертельная волна из камней, грязи и деревьев смешиваются с серебром рек и сносит всё на своем пути - дома, машины, людей, зверей и

эта технократическая лавина растет, расширяется и приближается к городу. Посреди дороги стоял пустой автобус. Я залез на его крышу, чтобы посмотреть на Нее. Наверное удар горного цунами разбудил меня.

Одни мудрые уста сказали, что сон и реальность это одно и то же. Что просыпаясь, мы остаемся в том же мире, в котором были во сне.

Снова утро. Снов не видел. Надо научиться уходить в иное и в состоянии бодрствования.

Из стены пятиэтажки что-то хочет вырваться, огромные когти вскрывают каменные кишки. И тут же, в следующую секунду, – картинка выравнивается, помехи прекратились, та же стена, ровная и шершавая. Потустороннее рвется к нам, буквально разрывает обычные объекты, всегда, внезапно, переплавляя реальность в нечто неопишное, и только на ослепительный миг.

Грушевое дерево осыпает листьями каменный город бессонных. Снова сигарета на вчерашнем фоне. Едва проснувшийся автобус на ходу досматривает сны, листает асфальтную ленту. Работа, люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.